Внимательный добрый взгляд. Но в его тёплой глубине проглядывает мудрая строгость. Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй. Тот случай, когда, не зная человека лично, невольно проникаешься доверием к нему. Тогда казалось, что русский патриарх и может быть только таким.

Молодым ещё человеком 28 лет я мог бы получить личное благословение главы нашей Церкви, но…

Дело было так. Я только что устроился работать в штат популярной в то время газеты «Серп». Работать там недавнему выпускнику Литературного института было непросто. Редактора нещадно уничтожали в моих статьях малейшие намёки на лирические отступления. Живинка авторского стиля неумолимо подгонялась под сухой информационный формат. С наивностью молодости я переживал, что в редакции никак не могут понять, что мой авторский стиль не только имеет право на существование, но и способен украсить газету. Никто не разделял моего убеждения. Один только пожилой журналист Анатолий Никитин, пописывавший стихи, периодически не очень настойчиво взывал во время вечерних коньячных посиделок: «У парня золотое перо, а вы его хотите серым строчкогоном сделать!». Впрочем, речь не об этом.

В этот самый «Серп» однажды на встречу с редакцией приехал святейший патриарх Алексий Второй. Был тогда такой формат в популярных изданиях – у известного спикера интервью брал не один журналист, а целая команда самых опытных газетчиков. Я, конечно, в эту команду не попал.

Не сказать, что это сильно огорчило меня. Да, я с симпатией относился к православию и патриарху. Медленно, очень медленно воцерковлялся. Даже однажды причастился. Но на православные службы ходил обычно 2–3 раза в год, и ещё не ответил для себя на некоторые вопросы, касавшиеся христианства. Конечно, мне было бы интересно задать вопрос самому патриарху, но не более.

Примерно через час после того, как Алексий II зашёл в здание редакции в Настасьинком переулке, в наш кабинет заглянула молодящаяся журналистка за пятьдесят из президентского пула. Она, конечно, была на встрече с патриархом, где задала свой осторожный, заранее согласованный вопрос.

– Представляете, они там молебен затеяли в кабинете главного редактора, Гасанов со свечкой стоит, вы представляете?! – сообщила она нам, сверкая модными очками.

Гасанов был одним из замов главного редактора, улыбчиво-скользкий человек с азиат-

скими корнями. Поговаривали, что он не брезговал «джинсой» – размещал в газете в обход редакционной кассы рекламные статьи или просто статьи, сулившие какие-то выгоды лично Гасанову. Я думаю, если бы в тот же день главный редактор предложил журналистам совершить намаз, Гасанов был бы первым, кто его поддержал.

Через несколько минут в кабинет влетела стеснительная и одновременно восторженная журналистка Ирина из соседнего отдела.

– Сейчас перед отъездом патриарх благословит всех, кто пожелает. Пойдёмте?! Я обязательно благословлюсь!

Я недолго колебался. Подходить к патриарху и получать благословение под маслянистым взглядом Гасанова или под блуждающую на жёстком лице ответсека газеты Долгоносова хитрую улыбку? Нет, конечно, нет!

Сказать ли, что я пожалел через день или через месяц о том своём решении? Пожалуй, что нет. Я ещё не отдавал себе отчёта в том, что такое патриаршее благословение.

Прошло несколько лет. Я уже не работал в «Серпе», и вообще на время ушёл из журналистики. В один из дождливых летних дней я ехал к родителям в Тверскую область. За несколько месяцев до этого они переехали, продали квартиру в Мурманске, где я вырос. Я любил свою малую родину, и на душе у меня было тяжело и смутно оттого, что в городе детства нет больше дома, который я мог бы назвать своим.

Не помню, по какой причине я решил сойти с электрички в подмосковном Дмитрове. Возможно, хотел посмотреть старинный Дмитровский кремль со знаменитым Успенским собором. А может, просто мне захотелось отсрочить, чтобы справиться с грустными мыслями, приезд в ещё необустроенную и чужую по духу квартиру родителей. А скорей всего – и то, и другое.

Через полчаса блуждания под моросящим дождём я оказался на ступеньках у входа в старинный, молодо светящийся куполами, несмотря на пасмурную погоду, собор. Он действительно был завораживающе красив. Но долго рассматривать его не получилось. Двери главного входа раскрылись, и я увидел усталое, доброе, знакомое лицо. Да, это был патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Святейшего окружало небольшое облако верующих, в котором угадывался единственный охранник. Неуверенной походкой старого человека патриарх шёл прямо на меня. Я посторонился, и он уже без прихожан, которые, как и я, остались на ступеньках, спустился к ожидавшей его чёрной, как и его ряса, машине. Перед тем, как сесть в неё, он повернулся к нам и вскинул правую руку. Не сразу я понял, что это было то благословение, от которого невольно я отказался несколько лет назад, и которое теперь нашло меня среди совсем незнакомых, но верующих людей. Было что-то беспомощное и одновременно великое в зыбкой фигуре патриарха на фоне наплывающего на собор и на всех нас пасмурного неба.

Я вошёл в золотистый сумрак храма, в котором ещё жили отзвуки патриаршей литургии. Всматривался в лики святых и чувствовал, что Бог был где-то очень близко в эти минуты...

Внешне патриаршее благословение никак не повлияло на мою жизнь. Продолжалось её уже привычное мне течение, каким отличаются северные реки – то бурное на каменистых порогах, то почти неподвижное среди заболоченных берегов. Но всё же необъяснимо чувствовал я, что с того дня протянулась какая-то невидимая ниточка от моей души к душе почившего вскоре святейшего патриарха Алексия II, и дальше – к душе нашего небесного покровителя святителя Алексия митрополита московского, и дальше, дальше…